

сиана» (в реплике, влагаемой в уста Иосифу) приписывает инициативу возбуждения вопроса о монастырской земле Ивану III, который созвал этот собор формально «попов ради, иже держаше наложницы, паче же рещи: восхоте отнимати села у святых церквей и монастырей»,¹ то в «Письме о нелюбках» главная роль в этом деле приписывается Нилу: «Егда свершися собор о вдовых попех и диаконах, и нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернцы по пустыням, а кормил и бы ся рукоделием».² Кроме того, ценность «Письма о нелюбках» значительно ослабляется тем обстоятельством, что автор его (писавший, повидимому, около 40-х годов XVI века) допустил явные неточности в рассказе о соборе 1503 года: по его словам, на соборе был «старец Паисея Ярославов», умерший в действительности в 1502 году.³

Дошедший до нас (но до сих пор, к сожалению, не изданный) современный текст «соборного ответа» 1503 года знает только две стороны в споре о «селах и землях» церкви: великого князя, с одной стороны, и «митрополита Симона со всем освещенным собором» — с другой. Иван III явно упрямялся, и собору пришлось трижды посылать к нему своего представителя, дьяка Леваша, с новыми доказательствами в пользу «стяжания церковного».⁴ Ни Иосиф Волоцкий, ни Нил Сорский в «соборном ответе» ни прямо, ни косвенно не упоминаются.

Следует ли из этого, что мы должны полностью отвергнуть известие «Письма о нелюбках» и считать участие Нила Сорского (и Иосифа) в споре о церковном землевладении в 1503 году более поздним вымыслом? Такой вывод представлялся бы нам поспешным. О приглашении «Нила и Иосифа» в Москву во время собора 1503 года сообщает и «собрание Вассиана»;⁵ о том, что «о стяжании сел монастырем» во время собора «болели» некие «отцы, иже безмолвное и уединенное житие проходящие и любящие отеческая учения о нестяжании», сообщает и житие Иосифа.⁶ Таким образом, если прямое выступление Нила на соборе 1503 года (особенно в роли инициатора постановки вопроса о «монастырских селах») и не доказано, то во всяком случае участие его в спорах, которые возникли вокруг этого вопроса в связи с рассмотрением его на соборе, весьма вероятно.

Так или иначе, провести в жизнь задуманный им план секуляризации монастырских земель Ивану III не удалось. Настойчивое сопротивление «отцов собора» свидетельствовало о непреклонности духовных феодалов в этом вопросе, а идти на открытый конфликт с духовенством великокняжеская власть не могла. XVI век был временем ожесточенной классовой борьбы в Русском государстве; внутри самого класса феодалов росла оппозиция централизованному государству со стороны княжеско-боярской верхушки. Духовные феодалы, несомненно, представляли меньшую опасность, чем княжата, — они в меньшей мере претендовали на политическую власть, они не грозили «отъездами»; в течение всего XVI века государственная власть, как правило, поддерживала дружественные отношения с церковью. Начало этим дружественным отношениям положил уже

¹ «Православный собеседник», 1863, ч. III, стр. 206.

² Прибавления к творениям св. отцов, ч. X, 1851, стр. 505.

³ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, стр. XV—XII. Ср.: А. А. Зимин. Княжеские духовные грамоты XVI в., стр. 270—271, прим. 31.

⁴ А. С. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I. Одесса, 1871, стр. 42—47.

⁵ «Православный собеседник», 1863, ч. III, стр. 206.

⁶ Житие Иосифа, составленное неизвестным, стр. 115. — Чтения ОИДР, 1903, кн. III, стр. 37.